

Перестройка как момент истины: к дискуссиям о природе и судьбе СССР

Сергей Журавлёв

Perestroika as a moment of truth: on discussions about the nature and fate of the USSR

Sergey Zhuravlev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060012, EDN: MKWEFO

100-летний юбилей образования Советского Союза – удачный повод подвести итоги и наметить перспективы изучения не только собственно событий начала 1920-х гг., но и советского периода нашей истории в целом. Главный тезис, вынесенный в заголовок данной статьи, заключается в том, что ответы на многие ключевые вопросы о природе и судьбе СССР, находящиеся в центре современных дискуссий, следует искать в последнем периоде существования Советского Союза – перестройке (1985–1991). Чем дальше мы отдаляемся от этого исторического этапа и чем весомее становится его историография, тем отчётливее осознаётся его значение, а также присутствие в нём различных развилок и альтернатив.

С высоты сегодняшнего дня мы лучше понимаем всю противоречивость и сложность перестройки, причудливо или, как сказали бы марксисты, диалектически соединившей в себе разнонаправленные импульсы как обновления, так и распада. Этот последний, краткий период существования СССР представляет собой «сгусток» интенсивной реформаторской деятельности, затронувшей практически все сферы жизни и буквально за несколько лет приведшей к столь кардинальным переменам, что многие исследователи не без основания пишут о революционных сдвигах в рамках ещё действовавшего Союза.

При этом по сей день не до конца ясно, какие именно перемены целенаправленно инициировались и проводились в жизнь руководством страны во главе с М.С. Горбачёвым, какие стали неожиданным для власти результатом ошибочных, запоздавших, неверно понятых или просто трансформировавшихся под влиянием объективных и субъективных обстоятельств «сигналов сверху» (черномырдинское «хотели как лучше, а получилось – как всегда» характерно и для перестройки), а какие можно отнести к результатам стихийных, не контролируемых властью процессов.

Кто-то воспринимает главный вектор перестройки как разрыв с наследием сталинизма и возвращение к «ленинским истокам», а кто-то, наоборот, как подрыв самих основ социализма. В любом случае важно посмотреть на этот период не только как на «вещь в себе», но и оценить его в контексте предшествующего развития страны, в том числе имея в виду события 1922 г. В какой

мере перестройка отразила сильные и слабые стороны, характерные черты и противоречия советской системы, включая её национально-государственное устройство, формальный и реальный федерализм, «имперские черты»? В каком состоянии СССР подошёл к началу «горбачёвских» реформ? В какой степени атмосфера перестройки, её идеи и задачи, восприимчивость общества к переменам подготовлены предшествующими десятилетиями? Как на рубеже 1980–1990-х гг. «аукнулось» то, что большевики заложили в фундамент Союза в 1922 г., а что оказалось порождением уже самих реформ? Почему инициированное властью заполнение «белых пятен» прошлого, в том числе периода образования СССР, имело не очищающие, а разрушительные последствия, приведшие к дискредитации основ советской системы в глазах общества? Ответы на эти и многие другие «трудные вопросы» остаются, по большому счёту, открытыми.

Нельзя сказать, что период 1985–1991 гг. обойдён вниманием российских и зарубежных исследователей. Вместе с тем, как представляется, количественное приращение фактов и насыщение информацией по разным сюжетам и аспектам этого времени пока не приводит к синтезу, к качественным прорывам в осмыслении той эпохи. Причина может скрываться в «многослойности» процессов перестройки, когда политические, экономическое, социально-культурные явления активно взаимодействовали и влияли друг на друга. Это ставит в повестку дня необходимость комплексного подхода и междисциплинарных поисков.

Характерны в этой связи выводы В.М. Зубока, который, реконструировав с высоты современного знания события тех лет, обнаружил, что конкретно-исторический материал «сопротивляется» вписыванию в колею сформулированных в историографии основных причин краха СССР. По его мнению, страна к концу 1980-х гг. ещё не исчерпала свой ресурс. Ни внешнее давление и груз гонки вооружений, ни проблемы в экономике или области национально-государственного строительства и межнациональных отношений, ни кризис идеологии ещё не вели к системному кризису «советской империи». Таковой стал возможен лишь по следам фатальных ошибок руководства страны и в условиях разрушительного противостояния союзной и российской власти¹.

СССР и реформы. К числу центральных проблем современных дискуссий относится вопрос: была ли в принципе советская система способна к реформированию? Ответ на него до сих пор зависит не столько от научной аргументации, сколько от политических пристрастий авторов. Характерный пример: в 2021 г. под редакцией Г.Э. Бурбулиса вышла брошюра о ГКЧП под названием «Политический Чернобыль партийно-советской тоталитарной империи». На самом деле к августу 1991 г. СССР как «партийно-советской тоталитарной империи» уже не существовало. Напротив, некоторые историки не без оснований считают 1990–1991 гг. самыми демократичными в отечественной истории.

О том, что советская система постоянно эволюционировала, можно судить, конечно, не только по периоду перестройки. Достаточно вспомнить, что учредителями СССР в 1922 г. стали четыре союзных республики, а к концу советской эпохи их стало уже 15, и это не простая арифметика. После И.В. Сталина на первые роли выдвигались руководители, каждый из которых, включая Горбачёва, на волне критики предшественника непременно стремился про-

¹ Zubok V.M. Collapse: the fall of the Soviet Union. Yale, 2021.

явить реформаторские устремления. Это, судя по всему, не случайно. При всём своём идеологическом «консерватизме» советская система всегда нацеливалась на прогресс — развитие экономики, научные и спортивные достижения, совершенствование социальной сферы и культуры, повышение уровня жизни людей, формирование гармонично развитой личности и т.д. Достижение позитивной динамики стало «идеей фикс», доказательством состоятельности власти. На фоне установки, что неуклонный прогресс является характерным признаком и преимуществом социализма, любые трудности и сбои, замедление темпов развития воспринимались советскими руководителями крайне болезненно, считались равносильными провалу.

Одной из проблем современной историографии СССР является то, что она во многом находится в русле трактовок и отчасти стереотипов, сформировавшихся во второй половине 1980-х — 1990-е гг. К примеру, исследователи привычно акцентируют внимание на кризисных явлениях доперестроечного времени. Как известно, термин «застой» введён в политический лексикон Горбачёвым для обоснования необходимости проведения радикальных реформ. Застой (на английский язык этот термин переводился с более сильной негативной коннотацией — как стагнация, загнивание) в дальнейшем получил широкое распространение в историографии как принципиальная характеристика состояния советской системы и общества в 1970-х — начале 1980-х гг., и постепенно превратился в идеологему, рассматриваясь как противоположность оттепели и перестройке.

Однако в последние десятилетия наметилось переосмысление брежневского периода². Исследователи всё чаще отказываются от однозначной оценки его как застойного, ограничивая охват данной характеристики преимущественно состоянием политико-идеологической надстройки. Поставлено под сомнение, в том числе с учётом рассекреченной аналитики западных спецслужб, что экономика СССР к середине 1980-х гг. находилась в состоянии системного кризиса. Теперь чаще более осторожно говорится о замедлении темпов её роста. В зависимости от разных методик подсчёта и использования разных показателей утверждается, что в 1975—1985 гг. ежегодный прирост продукции составлял в среднем 3,8%; по другим, пессимистическим данным, с 1977 по 1985 г. — в среднем 1,6%³.

Работы, посвящённые изучению «низовых этажей» советского общества 1970-х — начала 1980-х гг. (общественные настроения, повседневные социокультурные и потребительские практики, политические взгляды и досуговые предпочтения людей), тоже рисуют более сложную и противоречивую картину. Выясняется, что для этого времени характерны не только стабильность и уверенность в завтрашнем дне, но и разнообразие мнений и в целом значительная динамика процессов. Не только на кухнях, но и в официальных структурах — первичных партийных и комсомольских организациях, производственных ячейках, получивших широкое распространение творческих объединениях по интересам — активно обсуждались насущные проблемы, люди проявляли иници-

² См., например: *Brezhnev reconsidered* / Ed. by E. Bacon, M. Sandle. L., 2002; *Reconsidering stagnation in the Brezhnev era. Ideology and exchange* / Ed. by D. Feinberg, A. Kalinovsky. Lanham (MD), 2016; *Schattenberg S. Brezhnev: the making of a statesman*. L., 2021.

³ *Brezhnev reconsidered*. P. 40; *Trudolyubov M. Running frantically in place: despite similarities, Putin's Russia is not Brezhnev's* // Wilson Center. 2021. May 14 (URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/running-frantically-place-despite-similarities-putins-russia-not-brezhnevs>).

циативу, критически высказывались по поводу недостатков в сфере потребления, не проходили мимо нарушений социальной справедливости⁴. Если это действительно так, то брежневский период выглядит уже не только как время тотального дефицита, «пофигизма» и двойной морали, но и как «инкубатор», в котором вызревали будущие перестроечные лидеры и идеи.

Как известно, реформы конца 1980-х гг. не просто оказались крайне неудачными, но привели к глубокому экономическому кризису и разочарованию в возможностях плановой системы и социализма в целом. Означало ли это, что оказалась негодной сама стратегия преобразований, не были просчитаны их тактика, последовательность и сроки? Или же плохи исполнители? Эти вопросы остаются открытыми.

Значительно более успешными, нежели экономические, следует признать политические реформы Горбачёва. Речь идёт в первую очередь о демократических преобразованиях и гласности. Можно ли в свете этого сделать вывод, что советская система продемонстрировала потенциал для реформирования? Имеет смысл присмотреться к её особенностям, оказавшимся востребованными в период перестройки.

Демократизация Советов. Двумя главными составляющими советской политической модели выступали Советы и Коммунистическая партия. После образования СССР во всех союзных республиках была создана система подотчётных Центру и проводящих единую политику партийных и советских организаций, призванная воплотить модель советского федерализма. Лишь в последнее время в серьёзных исследованиях рассматривается, как на деле выстраивалась система сдержек и противовесов во взаимоотношениях Центра и периферии, как на уровне Союза в целом и РСФСР — наиболее крупной и сложно сконструированной общности со множеством национальных образований — действовали механизм учёта и практики лоббирования общегосударственных, национальных, территориальных, а также ведомственных интересов. Тем не менее уже в первом приближении ясно, что разрушение единой партийно-советской вертикали с неизбежностью вело к разрушению и союзной государственности.

Нижеследующие рассуждения о Советах и партии не являются попыткой их апологии. Они вызваны в первую очередь стремлением обратить внимание на пробелы в современной историографии, в которой данная тематика явно недооценена или сильно политизирована, в том числе в контексте изучения образования СССР и межнациональных отношений.

Итак, во время перестройки обе структуры оказались в центре событий и подверглись реформированию. Что касается Советов, то вряд ли стоит сводить их роль в разные периоды существования СССР лишь к «декоративному» представительству «ничего не решавшей» депутатской массы, которая «штамповала» решения срочных с государством партийных органов. Подобные выводы оновывались на изучении лишь верхушки правящего слоя — номенклатуры.

Политикой и её законодательным оформлением занимались в основном союзные и республиканские Верховные советы. Однако вряд ли стоит оставлять без внимания Советы в сельской местности и в городах — районные, поселковые, сельские. В 1980-х гг. по всему СССР их насчитывалось свыше 51 тыс., в том числе в РСФСР — более 28 тыс. Конституция СССР 1977 г.

⁴ Reconsidering stagnation in the Brezhnev era...

и принятая на её основе Конституция РСФСР, «исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории данного Совета», включили в их компетенцию хозяйственно-бытовые и социально-культурные вопросы местного значения (ст. 146). В 1977 г. в Советы среднего и низшего уровня были избраны более 2,2 млн депутатов⁵. Известно, что примерно 50% из них составляли женщины и что существовали негласные квоты в отношении возраста, партийности, национальности, образовательного уровня, призванные обеспечить присутствие в Советах разных слоёв населения. Такой подход, по крайней мере формально, делал их ещё и представительными органами власти. Можно по-разному относиться к квотам, но опыт других стран и издержки формирования депутатского корпуса в современной России заставляют более внимательно отнестись к изучению советской практики в данном вопросе.

Школу депутата низового уровня прошли миллионы граждан. В региональных архивах сохранились фонды местных Советов, но они остаются невостребованными. Не припомню и серьёзных научных проектов в русле «устной истории», ставящих целью проанализировать, чем занимались депутаты, какие проблемы решали, какой опыт получили и как с высоты сегодняшнего дня относятся к этому опыту. Любопытно было бы также узнать, насколько эффективно действовали низовые Советы и их органы, как осуществлялось их взаимодействие с хозяйственными и партийными структурами. Все эти вопросы в научном плане плохо изучены или политизированы.

Один из моих тезисов заключается в том, что полноценную историю Советов невозможно изучать вне связки «Советы + депутаты», что требует привлечения методик социальной истории, микроистории и соответствующего комплексного подхода к формированию источниковой базы такого рода исследований. Не обойтись здесь и без биографической составляющей, поскольку специалисты прекрасно знают, как много в советской действительности зависело от «субъективно-личностных факторов», т.е. от конкретного человека. Находившиеся в сходных финансовых, юридических и прочих условиях Советы в зависимости от авторитета, компетентности и иных качеств депутатов могли и функционировать совершенно по-разному.

В годы перестройки одним из главных политических лозунгов стало возвращение полноты власти от партии — Советам и демократизация их деятельности. Советская система в центре и на местах оказалась серьёзно реформирована и к концу 1980-х гг. по многим параметрам отличалась от сталинских и брежневских времён. Однако история реформирования местных Советов в этот период, политическая борьба на местах и деятельность депутатов низового уровня ещё не написаны. За малым исключением (например, история шахтёрского движения) перестройка в российской историографии изучается в основном в русле традиционной политической истории — деятельности центральной власти и борьбы элит, тогда как социально-политические процессы на низовом уровне, особенно «в глубинке» со всей её спецификой, остаются малоизученными. Это может создать ложное впечатление, что перестройка оказалась преимущественно «верхушечным» процессом.

⁵ О специфике деятельности и реформах в системе Советов см.: *Скуратов Ю.И.* Система социалистического самоуправления советского народа. Проблемы конституционной теории и практики. Свердловск, 1987; *Попов М.В., Казёнов А.С.* Советы как форма власти. СПб., 2013.

Какое отношение вышесказанное имеет к теме статьи? Дело в том, что Советы местного уровня, избранные демократическим путём и освобождённые от прежнего влияния партократии — при всех их недостатках — не только воспринимались населением как одно из важных завоеваний перестройки, но и превратились в базу демократических преобразований в стране. Лидеры демократического движения России (в том числе вышеупомянутый Бурбулис, в 1989—1990 гг. являвшийся одним из руководителей комитета Верховного совета СССР по вопросам работы Советов народных депутатов, развития управления и самоуправления) в тех условиях прекрасно понимали роль Советов и приложили немало усилий для их превращения в реальные институты самоуправления.

Эта задача решалась довольно успешно. После отмены 6-й статьи Конституции, а затем и роспуска КПСС Советы оказались единственной властью на местах. Это положение юридически закрепили закон «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990) и закон «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991). Однако их полномочия продолжалось всего два года — с осени 1991 по осень 1993 г. К моменту распада СССР и в связи с нарастанием центробежных тенденций внутри России обозначилась потребность в ограничении «стихийной демократии» и в усилении государственной исполнительной власти, которая ассоциировалась в первую очередь с президентской вертикалью власти. К этому добавилась нарастающая критика негативных последствий «шоковой терапии» со стороны не только Верховного совета РСФСР, но и региональных и местных Советов, которые, естественно, отражали настроения своих избирателей. В сложившихся условиях система Советов стала восприниматься сторонниками российского президента Б.Н. Ельцина как главная сила, препятствующая радикальным реформам.

С высоты сегодняшнего дня ясно, что её слом после трагических событий октября 1993 г. объяснялся в первую очередь соображениями текущей политической борьбы, потребностями укрепления президентской власти. Однако это решение имело противоречивые последствия. Ведь на самом деле покончили не со «старыми» Советами — наследием коммунистического режима, а с «новыми» — одним из важных завоеваний перестройки, ассоциировавшимся в глазах рядовых людей с реальной демократией.

Две ипостаси КПСС: аппарат и рядовые партийцы. Второй ключевой составляющей советской политической и государственной системы выступала Коммунистическая партия. Свободная от политической ангажированности научная история КПСС пока ещё не написана. Сохраняет актуальность и изучение деятельности республиканских компартий.

Одна из проблем заключается в том, что многие авторы, следуя стереотипному подходу, отождествляют партию преимущественно с аппаратом ЦК и номенклатурой. На самом деле, как и в случае с системой Советов, правящая партия являлась намного более сложным организмом. Многие значил «фактор партбилета», при котором обычное законодательство дополнялось более строгими морально-этическими «нормами партийной жизни» — негласными правилами поведения на службе и в быту. Даже с учётом всех издержек и исключений (например, фактической неподсудности партийной элиты), в целом этот свод правил, основанных на «Моральном кодексе строителя коммунизма», не только выступал механизмом дисциплинирования почти 19,5 млн ком-

мунистов (1988–1989 гг.), но и, с учётом массового характера партии, фактически участвовал в нормировании повседневности советского общества.

К началу перестройки коммунисты были объединены в примерно 400 тыс. первичных парторганизаций, действовавших в городе и деревне, армии, учреждениях науки, образования и культуры. Из этого числа только 6,4 тыс. ячеек считались крупными, имея в своих рядах более 300 коммунистов, ими руководили освобождённые партийные работники. Остальные 96% ячеек являлись малочисленными, многие насчитывали от 3 до 15 человек и не были связаны с партийной номенклатурой. Это позволяет говорить о двух разных ипостасях, в которых существовала КПСС, причём обе они являлись частями советской общественно-политической системы. Партия в СССР – одновременно и часть государственного механизма, и общественная организация⁶. Повсеместное существование выборных партийных комитетов на производстве, действовавших наряду с администрацией, создавало своего рода систему сдержек и противовесов. Что случилось, когда после роспуска КПСС прекратил действовать этот сдерживающий механизм, остаётся не изученным.

Перестроечные реформы изменили и партию. Обострились противоречия между занявшей «монетизацией» своих привилегий номенклатурой и рядовыми коммунистами. Последние наравне со всей страной испытывали нараставшие экономические трудности, их реакция на происходящее не отличалась от реакции беспартийных. К началу 1991 г. прежней единой КПСС фактически уже не существовало. В партии появились течения, наметился раскол на, условно, «радикалов», «центристов» и «консерваторов», которые в перспективе могли образовать самостоятельные политические силы. Ситуация осложнялась тем, что ЦК утрачивал контроль за парторганизациями республик и регионов, многие партийные лидеры которых примкнули к набиравшим силу движениям за экономическую и политическую независимость. Оставшийся формально руководителем КПСС Горбачёв после избрания президентом СССР устранился от партийных дел, всё больше дрейфуя в сторону социал-демократических идей.

Следствием происходивших перемен стала радикализация и поляризация настроений в первичных парторганизациях, которые представляли собой наиболее социально активную часть общества. В то время, когда первые объединения демократической направленности только зарождались, многие «первички» уже превратились в дискуссионные площадки и проводники реформистских настроений на местах. Партия выступила главным источником рекрутирования кадров в демократическое движение, вышли из неё едва ли не все его лидеры, начиная с Ельцина. Отчасти благодаря этому в новой России не произошло и настоящей смены политических и культурных элит. Отсюда – знаменитый афоризм о ситуации 1990-х гг. министра газовой промышленности СССР в 1985–1989 гг. В.С. Черномырдина, плавно пересевшего в 1992 г. через руководство «Газпромом» в кресло российского премьера: «Что ни делаем – получается КПСС, либо автомат Калашникова».

Можно поставить вопрос так. Если на рубеже 1980–1990-х гг. в СССР и России и произошла революция, как полагают некоторые специалисты,

⁶ Этот вывод фактически подтвердил Конституционный суд РФ. 30 ноября 1992 г. в постановлении по «делу КПСС», признав обоснованность запретительных указов Ельцина в отношении партийного аппарата, он вместе с тем отменил запрет деятельности первичных партийных организаций.

то, несомненно, это революция особого рода. Перемены действительно носили революционный характер, однако многие из них оказались «сглажены» и растянуты во времени рядом обстоятельств, в том числе результатами перестроечных реформ.

«Мягкий» распад сверхдержавы и его тяжёлые последствия. Последние дни Советского Союза оказались будничными. 25 декабря 1991 г. Горбачёв объявил о сложении полномочий президента СССР и передал «ядерный чемоданчик» российскому президенту Ельцину. Смена общественно-политического строя и экономической системы прошла внешне на удивление «мягко», как бы «вписавшись» в уже ставшую привычной кризисную ситуацию. Показательно в этом смысле, что в памяти многих россиян эти события как водораздел между историческими эпохами не отложились. Зато в представлении современников события 1985–1999 гг. — т.е. перестройка и становление новой России, — слились в единую «эпоху перемен».

Следует иметь в виду, что такое видение событий в России отличалось от мнения жителей многих других республик, в том числе миллионов русских, оказавшихся в тот период в центре межнациональных конфликтов. Проблема распада СССР «снизу», через судьбы и оценки рядовых людей на всем его пространстве, их сравнительные характеристики, — тема, ждущая своих исследователей.

Из отечественной и мировой истории известно, что столь масштабные катаклизмы часто имели трагические последствия. Советский Союз с его ядерным арсеналом и воинскими контингентами в Европе и на других континентах мог стать «Титаником», гигантская волна от крушения которого переросла бы в разрушительное цунами, выйдя далеко за границы страны. Однако тогда удалось избежать больших жертв, катастрофического гражданского противостояния внутри многонациональной страны, минимизировать или «заморозить» конфликты на пространстве СССР и не допустить катаклизма в мировом масштабе. Думается, по прошествии трёх десятилетий это особенно ясно.

Тема «всемирно-исторического значения» крушения СССР требует специального рассмотрения, поскольку многие кумулятивные последствия событий 1991 г., имеющие даже более разрушительный характер, проявляются лишь спустя десятилетия. Всё это ставит в повестку дня необходимость специального изучения не только их непосредственных, но и отложенных последствий. Сквозь призму последних стоит посмотреть и на события 2014 и 2022 гг. вокруг Украины. Специальная военная операция по защите населения Донбасса стала точкой отсчёта новой эпохи в геополитике и в позиционировании России на мировой арене. По последствиям события февраля 2022 г. могут превзойти изменения, вызванные исчезновением СССР в декабре 1991 г.

Ситуация 2022 г. одновременно обнажила многие проблемы прошлого. Можно спрогнозировать, что она вызовет переоценку советского и постсоветского периодов отечественной истории, холодной войны, причин и последствий распада СССР. В числе ключевых вопросов, которые, как представляется, в ближайшее время выйдут на первый план в историографии, — переосмысление феномена советского федерализма, формирования национальной государственности в рамках Союза, практика сосуществования тенденций интернационализма и национализма, «русский фактор» в советской национальной политике и др. В связи с современными попытками «отмены» русской культуры на Западе возрастает интерес к феномену советской многонациональ-

ной культуры, наследницей которой является Российская Федерация. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, поскольку одним из важных источников дореволюционной российской, советской и постсоветской культуры в нашей стране выступала украинская культура, практика «отмены», по сути дела, затрагивает и её культурные традиции.

Вновь обратимся к вопросу о том, почему в конце 1991 г. распад СССР прошёл сравнительно спокойно. После августовских событий такая развязка ожидалась, граждане были морально подготовлены к тому, что в прежнем виде Союз сохранить не удастся. Даже последняя «соломинка», за которую хватался Горбачёв в попытках спасти страну, предлагая подписать обновлённый Союзный договор, содержала отказ от названия «СССР» и трансформацию федеративного устройства в сторону конфедерации. Однако в тех конкретных условиях она вряд ли могла быть жизнеспособной. Поскольку Горбачёв утратил рычаги власти, спасти находившийся в состоянии полураспада Союз могла только решительная позиция Ельцина, однако он принял иное решение.

«Будничности» отказа от СССР способствовало и то, что многие представители номенклатуры увидели способы «монетизировать» свои привилегии и вписаться в рынок. Налицо была также усталость общества от экономических проблем, которые не удавалось решить в рамках социалистической экономики. На это накладывалось разочарование в Горбачёве и поддержка большинством граждан новой политической элиты во главе с популярным Ельциным, обещавшим решительными мерами быстро улучшить ситуацию. «Мягкий» распад объяснялся и глубоким кризисом руководства СССР и КПСС. История с ГКЧП наглядно продемонстрировала, что режим, с которым когда-то ассоциировался страх перед репрессивным аппаратом и всеилием спецслужб, реформирован настолько, что утратил не только остатки прежней «тоталитарности», но и способность защищать основы государственного устройства. Кстати, одним из «белых пятен» остаётся деятельность в этот период КГБ СССР и его региональных структур. Рассекречивание и введение в оборот документов спецслужб за 1985–1991 гг. способны пролить свет на многие дискуссионные вопросы эпохи.

1991 г. сквозь призму историографических дискуссий. В настоящее время среди специалистов сложился консенсус по поводу того, что исчезновение СССР обуславливалось комплексом объективных и субъективных причин и обстоятельств. Дальше, однако, начинаются споры. Некоторые говорят о «распаде», другие — о «развале», имея в виду подрывные действия внешних и внутренних сил, ошибки советского руководства, безответственные поступки и амбиции политиков, намеренно или неосознанно приведших к ослаблению и дезинтеграции Союза. Нетрудно предсказать, что в связи с каждым новым витком противостояния с Западом версия «развала» будет находить всё больше сторонников. Впрочем, влияние презентизма на оценку событий, связанных с крушением социалистического лагеря и окончанием холодной войны, — к сожалению, не только российский, но и международный феномен.

Разными аспектами темы занимаются историки, политологи, экономисты, социологи, антропологи, культурологи, этнологи, журналисты, представители других гуманитарных профессий. Такое профессиональное разнообразие имеет свои плюсы и минусы. В числе последних — тенденция сегментации исследовательского поля. Постепенно расширяется источниковая база по периоду перестройки, она становится более разнообразной и информационно

насыщенной. Активнее, чем прежде, используются архивные документы, периодическая печать, данные социологических обследований. Вышло огромное количество воспоминаний участников и очевидцев событий, которые историки, откровенно говоря, не успевают проанализировать. К сожалению, историческая наука сильно отстаёт, в первую очередь, в источниковедческом плане. В повестке дня стоит необходимость систематизации, обобщения уже известной информации, а также постановки новых вопросов.

Некоторые из них не просто ставятся, но и исследуются. Так, следует приветствовать смещение интереса от политических событий в Москве в сторону регионов. Это происходит в том числе благодаря богатой литературе, вышедшей в последние десятилетия в национальных республиках России и в бывших республиках СССР. Однако на этом фоне встаёт языковая проблема, серьёзная даже для России, не говоря уже о постсоветском пространстве. Одновременно с литературой на русском языке идёт формирование обособленных национальных историографий (по истории Татарстана многие местные авторы пишут на татарском, Башкортостана – на башкирском, Северного Кавказа – на местных языках и т.д.). Историческая литература в бывших республиках СССР, в том числе по советской истории и периоду перестройки, тоже выходит почти исключительно на языках этих республик, что, к сожалению, делает её недоступной для широкого научного сообщества. Как следствие, необходима специальная программа по переводу наиболее важных работ на русский язык, а также выпуску дайджестов исторической литературы на национальных языках.

В последнее время в центре дискуссий оказался вопрос о роли РСФСР и Украинской ССР в распаде СССР. Не секрет, что политический процесс на Украине (как, впрочем, и в других республиках Союза) в конце 1980-х гг. шёл с оглядкой на Москву и находился в существенной зависимости от противостояния двух центров власти – союзного и российского. Требуется специальное изучение позиция России – станового хребта СССР – по вопросу о сохранении союзного государства примерно с весны–лета 1990 г., но особенно после ГКЧП. Представляется, что на решающем этапе судьбу Союза определяло именно руководство РСФСР во главе с Ельциным. Политический вес и мера ответственности России в этом вопросе несопоставимы с любой другой советской республикой. На 1991 г. Российская Федерация – это три четверти территории, две трети промышленной продукции, более половины населения СССР.

Другой крайне важный сюжет – дезинтеграционные процессы внутри самой РСФСР. С лета 1990 г. параллельно друг другу стали развиваться сразу два кризиса федерализма – союзный и российский. Однако в связке, как единый процесс, они, по существу, ещё не изучались. В обоих случаях принимались декларации о независимости и разворачивалась «война законов». В некотором смысле Ельцин почувствовал себя «в шкуре Горбачёва»: нарастающие кризиса Союза и отказ российского руководства поддержать Горбачёва в его попытках сохранить единое государство подстёгивали сепаратистские настроения в РСФСР, угрожая её целостности. Союзный кризис разрешился Беловежскими соглашениями, после чего российское руководство изменило отношение к независимости своих субъектов и приложило немало усилий, чтобы заключить с ними в марте 1992 г. «Федеративный договор» о разграничении полномочий.

Вклад в формирование исторических представлений вносят современные политические лидеры, а также выступающие в СМИ политологи и эксперты.

Их оценки, в том числе касающиеся событий 1917 г., образования и распада СССР, находятся под заметным влиянием актуальной политической повестки. Одной из ведущих тем является восстановление исторической преемственности всех периодов отечественной истории. В рамках этой линии, особенно в сочетании с двумя другими важными тенденциями — акцентом на ведущую роль СССР в победе над нацизмом и признанием универсальной значимости сильного государственного начала в отечественной традиции, — происходит легитимация советского прошлого. СССР более не рассматривается как «отступление от столбовой дороги цивилизации», как это было в конце перестройки и в 1990-х гг. Напротив, принято утверждать: «СССР — это историческая Россия».

В вопросах преемственности важно, однако, не перегнуть палку. В кризисные времена, к каковым в XX в. в первую очередь относятся события 1917 и 1991 гг. (отправная и конечная точки советской истории), особенно явно прослеживается сосуществование процессов преемственности и прерывности. Поэтому историографическая перспектива видится в изучении именно этого двуединства. Применительно к последнему периоду советской истории это означает исследование противоречивости реформ, анализ альтернатив, рассмотрение событий и явлений в системе координат обновления и разрушения, взаимного влияния экономических и политических преобразований и т.д.

Вряд ли распад СССР был однозначно неизбежен. При чтении подобных утверждений возникают параллели с советской историографией, которая усердно доказывала обречённость Российской империи, Временного правительства, историческую неизбежность социалистической революции и построения коммунизма. Как мы сейчас знаем, история полна альтернатив, и события в России — как в 1917, так и в 1991 г. — могли пойти по другому сценарию. Если мы действительно хотим разобраться в перипетиях советского прошлого и при этом не становиться предметом насмешек «человека с улицы» по поводу того, что «эти историки всегда крепки задним умом», то имеет смысл отказаться от детерминизма такого рода.

Сторонники «обречённости» Советского Союза исходят из того, что его политическая и экономическая система, продержавшаяся 70 лет, была на самом деле «дефектной» и бесперспективной с самого начала в силу её «искусственности», идеологизированности и неспособности к переменам. Соответственно, к 1980-м гг. советский проект исчерпал себя, вступил в пору системного кризиса и закономерно канул в Лету. Такая точка зрения имеет немало «тонких мест». Разве советская система не выдержала испытание Великой Отечественной войной, проявив исключительные мобилизационные качества? Разве период перестройки с его реформаторским запалом и с существенными переменами во всех сферах жизни не доказывает способность советской системы к реформированию?⁷

Те, кто настаивает на исторической обусловленности возрождения распавшейся в 1917 г. Российской империи под флагом СССР, сетуют в основном на то, что в 1922 г. большевики создали не унитарное государство, а федерацию, что в итоге и привело к коллапсу в 1991 г. Между тем в условиях рубежа 1910–1920-х гг. реальной альтернативы федеративному устройству на

⁷ См.: Реформы в России с древнейших времён до конца XX века. Т. 4. 1917–1991 / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2016.

добровольных началах просто не существовало. Специалисты прекрасно знают, что со временем централистские тенденции и влияние партии в Советском Союзе нарастали, так что среди главных лозунгов перестройки в середине 1980-х гг. оказалось не только возвращение власти от партии к Советам, но и восстановление реального федерализма. В этом вопросе буквально за несколько лет произошли существенные перемены, но затем в условиях ослабления центральной власти процесс пошёл в другую сторону – радикализации национально-сепаратистских движений.

Но вспомним, что унитарный характер Российской империи вовсе не помешал её краху, а после прихода большевиков к власти – началу кровопролитной Гражданской войны с миллионами жертв. Похоже, что именно федеративная форма Союза, заложенная по настоянию В.И. Ленина в 1922 г., объективно способствовала сравнительно «мягкому» сценарию дезинтеграции Советского Союза, позволив в 1991 г. республикам разойтись по «отдельным квартирам», вместо того чтобы оказаться перед опасностью «раздела общей коммуналки». В этом ведь тоже заключается наследие 1922 г., 100-летие которого мы отмечаем.